

— ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ —

УДК 398.224(=512.31)

Л. Ц. Санжеева

СИМВОЛИЗМ ОСНОВНЫХ ОБРАЗОВ БУРЯТСКОЙ ГЭСЭРИАДЫ

В статье исследованы такие универсальные константы традиционной культуры, как природа, ее стихии: небо, земля, огонь, вода, гора, дерево. Особое внимание уделено их символическому содержанию и отражению в эпической картине мира бурят. Выявлены национальное своеобразие и функциональные особенности природных концептов в бурятских улигерах о Гэсэре, записанных от известных бурятских сказителей Альфора Васильева, Пеохона Петрова, Маншуда Имегенова, Парамона Дмитриева. В ходе исследования улигерных текстов показана модель мира бурят и их далеких предков. Она представлена такими универсальными образами, как небо, земля, огонь, вода, гора, дерево и др. Иллюстративный материал свидетельствует о том, что между этими природными стихиями присутствуют свои, особенные соотношения, создающие основу национального мировидения бурят. В приведенных примерах почитания и поклонения этим символам прослеживаются древнейшие религиозные, исторические, культурные, социальные традиции бурятского народа. Изученные эпические тексты подтверждают мысль о том, что древние традиции и ритуалы экологичны по содержанию. Показана неразрывная связь человека с окружающим миром, трепетное отношение людей к родной природе. Последнее позволяет говорить об аксиологическом содержании и дидактическом потенциале рассматриваемых культов. В этом заключается основная цель данной работы.

Ключевые слова: эпос, эпическая картина мира, духовная культура, символизм улигерных образов, природные стихии, земля, небо, огонь, вода, дерево, гора.

L. Ts. Sanzheeva

Symbolism of the main images in the Buryat Geseriade

The article studies such universal constants of traditional culture as nature and its elements: heaven, earth, fire, water, mountain and tree. Special attention is paid to their symbolic content and reflection in the epic world picture of Buryats. The national identity and functional peculiarities of natural concepts in the Buryat uligers about Geser recorded from the famous narrators Alfor Vasiliev, Peokhan Petrov, Manshud Emegenov, Paramon Dmitriev, are revealed. The study of uliger texts shows the world model of the Buryat people and their ancestors. It is represented by such universal images as the heaven, the earth, the fire, the water, the mountain, the tree, and others. The illustrative material proves the presence of peculiar relations among these natural elements and they all create the basis of the national worldview of Buryats. The given examples of veneration and worship of these symbols reveal the ancient religious, historical, cultural, and social traditions of the Buryat people. The analysis of the epic texts proves the idea that ancient traditions and rituals are of eco-friendly content. The epos shows the inseparable connection of man with the surrounding world, reverent attitude of people towards mother nature. The latter allows to speak about the axiological content and didactic potential of the cults considered in the paper. Actually this is the main purpose of this work.

Keywords: epos, epic world picture, spiritual culture, symbolism of uliger images, nature elements, the earth, the heaven, the fire, the water, the tree, the mountain.

САНЖЕЕВА Лариса Цырендоржиевна – д. филол. н., доцент, зав. каф. английской филологии Института филологии и массовых коммуникаций (ИФМК) Бурятского государственного университета.

E-mail: lsanzhe@mail.ru

SANZHEEVA Larisa Tsyrendorzhievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the English Philology Department, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University.

E-mail: lsanzhe@mail.ru

Введение

Очевиден тот факт, что произведения фольклора, и в особенности его основополагающий жанр – героический эпос, на протяжении своей тысячелетней истории служили своего рода сводом знаний, благодаря которому каждое новое поколение получало представление о предшественниках, их жизненных, духовных ориентирах, взаимоотношениях с окружающим миром. Актуальность исследований этнокультурного характера через анализ текстов, в нашем случае эпических, подтверждается существованием герменевтического подхода к описанию культуры, древних народных традиций. Суть этого подхода заключается в том, что культура рассматривается как совокупность текстов, представляющих собой вместилище информации, результат культурных достижений определенного этноса.

В каждой культуре модель мира составляется из целого ряда универсальных концептов и констант культуры (таких, как пространство, время, измерение, причина, сущность стихий, нравственные понятия, любовь и т. п.), но у каждого народа между этими концептами присутствуют свои, особенные, соотношения, создающие основу национального мировидения.

Объектом данной статьи являются основные образы бурятской Гэсэриады – природа, ее стихии: небо, земля, огонь, вода, гора, дерево, отмечается их символичность в традиционной культуре монголоязычных народов. Исследование проведено в рамках антропоцентрической парадигмы, где человек познает мир через осознание своего места в нем, его отношение к культурным константам, в нашем случае к огню. Иллюстративный материал приводится из эпических сказаний бурят о народном защитнике Гэсэре (улигеры, записанные от известных бурятских сказителей Альфора Васильева, Пеохона Петрова, Маншуда Имегенова, Парамона Дмитриева).

Национальное своеобразие и функциональные особенности природных образов в бурятских улигерах о Гэсэре

Известно, что среди разнообразных жанров традиционного бурятского фольклора особое место занимает народный героический эпос «Гэсэр», один из самых крупных и популярных образцов культурного наследия бурят. Как отмечают исследователи эпоса, своеобразие бурятской Гэсэриады заключается в значимости, знаковости ее содержания и завершенности художественной формы. Об этом в свое время писал выдающийся бурятский ученый-эпосовед А. И. Уланов: «... эпос – явление коллективное, он возник как легенда, как «идеал общины» [1, с. 18]. Эпос зафиксировал и по-прежнему (хотя сегодня неизмеримо в меньшей степени, чем в древности) отражает коллективную, народную жизнь во всех ее проявлениях, в том числе в духовном и практическом: традиции, обычаи, ритуалы, воззрения, идеалы.

По справедливому замечанию Б. Н. Путилова, «...героический эпос, зарождаясь в недрах мифологического синкретизма, развивается от форм архаических к реально-историческим, проходя на этом длительном пути ряд закономерных стадий» [2, с. 205]. Данное утверждение вполне применимо и к бурятскому эпосу. Нерасчлененно-целостное мышление первобытного человека создавало мифы как единственное и абсолютное видение и понимание мира. Синкретизм подобного типа мышления был основан на ритуально символическом отображении действительности.

По мнению большинства исследователей фольклора бурят, Гэсэриада является монументальным эпическим произведением, которое занимает особое место в общественной, культурной жизни бурятского народа. Это своего рода знаковый код монгольских народов, элемент его самоидентификации. В основе эпоса лежит поэтическая трансформация действительности в ее устремленности к идеалу, стремление воссоздать жизнь в соответствии с народным пониманием прекрасного, с народным эстетическим идеалом, для выражения конкретного содержания которого найдена глубоко образная, живо воздействующая на слушателей форма. В эпосе народ сохранил все ценное и непреходящее, что составляет его духовное и нравственное достояние. Это уникальное по своей поэтике произведение устного народного творчества бурят, его жанровая поэтика представляет собой систему правил, в соответствии с которыми отдельные единицы разного уровня выстраиваются в единое целое, динамически соотносясь друг с другом, подчиняют себе организацию всего произведения, его смысл.

Исследование Гэсэриады актуально в настоящее время, когда возникают серьезные экологические и нравственные проблемы, оно способствует решению многих проблем духовного,

психолого-образовательного, воспитательного, познавательного плана, отношения к окружающему миру, способов его восприятия. Одним из достоинств эпоса является то, что он учит бережному отношению к природе и ее составляющим. С таким планом содержания тесно связана его поэтика, т. е. план выражения, который вносит свою лепту в художественно-эстетическое видение мира, природы, помогает увидеть ее красоту, что делает человека духовно чище, возвышеннее.

Примечательно, что образ природы является одним из основных элементов в поэтике, сюжете и композиции эпоса. В эпическом тексте, благодаря улигершинам, раскрывается связь эпической образности с жизненным опытом человека, с его жизнью в пространстве природы. Все неживое в эпосе оживотворено, иногда персонифицировано. Можно сказать, что природа изображается как антропоморфная сущность, а люди как опредмеченные сущности.

Рис. 1. Гэсэр-хан (Художник Н. К. Рерих, 1941 г.)

Древние традиции и ритуалы экологичны по содержанию, они помогали человеку выживать в суровых условиях жизни. Образы природы являются источником вдохновения сказителей, также как и героические персонажи, олицетворяющие добро и борющиеся со злом в разных его проявлениях на благо своего рода. Красоту и эстетику человек заимствовал у природы, напротив, конфликт с природой приводит к неисчислимым бедствиям, которые трудно прогнозировать точно.

Природа есть начало самоорганизующееся, и человек не может высчитать все параметры, т. к. многое в ней находится за пределами человеческих возможностей, да и развитие могло пойти по одной или другой модели. Исследования специалистов как естественных, так и гуманитарных наук, подтверждают мысль о взаимозависимости природы, человека и культуры как важных составляющих мироздания, целесообразности их гармоничного совместного существования. В бурятском эпосе (в описании героев, их речи, поступках и действиях, взаимоотношениях друг с другом, почитании древних культов и т. д.) находим прямое подтверждение вышесказанному.

Вышеозначенные подходы в какой-то степени смыкаются с буддийскими и мифологическими представлениями о близкой связи человека и природы у разных народов, в частности монгольских, включая бурятский этнос. Так, в бурятских мифах, преданиях и эпосе человек тесно связан с природными стихиями и объектами. Известен мотив рождения из растрескавшегося камня. Архетип небесного отцовского начала иногда связан с соляной тематикой:

золотой столб в дымовом отверстии юрты ассоциируется с зачатием сына. «В своих древнейших пластах героический эпос монгольских народов сумел донести до нас некоторые реликтовые формы идеологических представлений доклассового общества, которые существовали в виде мифов, легендарных рассказов о предках родов и племен. В развитии всех этих форм нашел отражение процесс, который можно было бы назвать мифологическим превращением первичного хаоса в упорядоченный космос» [3, с. 114-115]. Земля понимается как место формирования и обитания первичных человеческих общностей. Объекты Земли – определенные рощи, холмы, скалы, пещеры до сих пор представляют собой места поклонения. Природная среда и ее значение в жизнедеятельности людей огромны.

Предки бурят-монголов поклонялись огню. Существует много молитв огню. Одна из них начинается так: «Мать Ут, царица огня, сотворенная из дерева ильма, растущего на вершинах (гор) Хангай-хана и Бурхату-хана! Ты, которая зародилась при отделении неба от земли, произошла от стопы матери Этугэн и создана царем тэнгриев! Мать Ут, коей отец – твердая сталь, мать – кремь, предки – ильмовые деревья, которой блеск достигает до неба и проникает сквозь землю» [4, с. 75]. По мнению С. Ш. Чагдурова, культ огня тесно связан с кресалом и кремнем, а еще ранее «до отделения неба от земли» – с ильмовыми деревьями. Кресалом, огнем, которые являются творением человека, высекался огонь от кремня (творения природы).

«Сакрализация и обрядовое почитание природных сил устанавливаются в основном по косвенным материалам национальных и мировых религий, поскольку в них уже нет автономного религиозного культа природы как такового, но устойчиво сохраняется его значимость в духовных ценностях народа до настоящего времени в массовых обычаях, пережитках древнего культового отношения к земле, водным источникам, деревьям, солнцу, луне, небу» [5, с. 68-69].

Благодаря природе, огню из рода выделяется не только добытчик, а «хранитель огня, жрец и предсказатель погоды, победы, поражения, знахарь; зарождаются зачатки религий... Современные изыскания ученых реставрируют древнейшее мировоззрение протобурят-монголов, которые в эпоху палеолита и неолита обладали вербальным, семантическим полем, аурой и не отделяли себя от природы, животного и растительного мира, информационного Поля, Разума, Бога, Тенгрия, духов и хозяев местности, движения во времени и пространстве» [6, с. 59].

Действительно, в бурятских мифах, легендах и эпических сказаниях прослеживается тесная связь человека с природой, ее обожествление, настоятельная потребность в коэволюции человека и природы. Эпос содержит много названий ветров, природных стихий, флоры и фауны, которые вступают в тесное взаимодействие друг с другом и человеком. Симметрия золотого сечения в бурятском эпосе в большинстве случаев связана с психофизической природой степняка, которая ощущается в стиховом ритме, размеренном и степенно-солидном в унисон с природой, вселенной и великой степью, несколько однообразной и монотонной, но величественной на взгляд рожденного здесь степного кочевника. Естественно, что картины симметрии, под сказанные природой и обрамленные в стиховую форму, являются вторичными, искусственно созданными человеком, поэтому пропорция золотого сечения в Гэсэриаде колеблется в определенном диапазоне. Этим Гэсэриада отличается от более «окультуренных» произведений эпохи Возрождения и других эпох, когда теоретический канон был уже как бы «отлит» по взаимной договоренности людей, посвятивших себя искусству.

Гэсэриаду по праву можно считать носителем золотой пропорции, и сам принцип золотого сечения характеризуется такими чертами, как исконная анонимность, синкретическая целостность, устойчивость, ненавязчивый способ передачи информации, протоэкологичность, духовность. Природное начало проглядывает повсюду, также и в стихосложении эпоса, ведь в ритмике стиха ощущается поступь, скажем, коня, верблюда (ср. бадаг – нога), разные виды движения животных (рысь, галоп, поднятие на дыбы) связаны с завязкой, нагнетанием и кульминацией действия в эпическом произведении.

Как отмечает Е. О. Хундаева, в бурятском эпосе показана развернутая картина возникновения мироздания, раскрыто всеобъемлющее значение основополагающих начал макрокосма: хаос, мировой океан, первостихии, триединство универсума, с которых начинается изложение вопросов антропогенеза [7, с. 6]. В бурятском эпосе интерпретация этих философских проблем представлена в полном объеме.

Эпос входит в современную картину мира в эпоху глобализации с четкой эпически образной парадигмой возникновения Вселенной, Земли, Человека, божеств и хтонических существ, парадигмы отношений людей с природными силами, обеспечения физического и духовного существования, связи целого с частью и части с целым (холизм), содружества корпоративных сил в функционировании Вселенной (синергетика). В этом, безусловно, прослеживается знаковый характер эпоса бурят, его вклад в общечеловеческое культурное наследие.

Архаические мифы и легенды свидетельствуют о том, что древние люди воспринимали водную стихию, впрочем, как и небо и землю, как реальное, живое существо, водные и другие объекты имели своих духов, им приносили жертвы в знак почитания. Столь же серьезно, как к существам, наделенным разумом и способностью сознательно действовать, относились в древности к животным, растениям, горам и прочим предметам окружающего мира. Так, в бурятском эпосе Гэсэр борется с пестрым тигром, с чудовищем Орголи, хозяином тайги, уничтожает сорок величиной с корову, волков, медведей, также на его пути встают и другие противники, которых он укрощает – *Агын уула*, *Эдир зандан Модон* и др. [8]. В древности для человека вообще было характерным значительное расширение границ одушевленности, антропоморфирование природы, вера в одухотворенность всех её элементов. На это их наталкивала сама жизнь, жизненный опыт наших далеких предков.

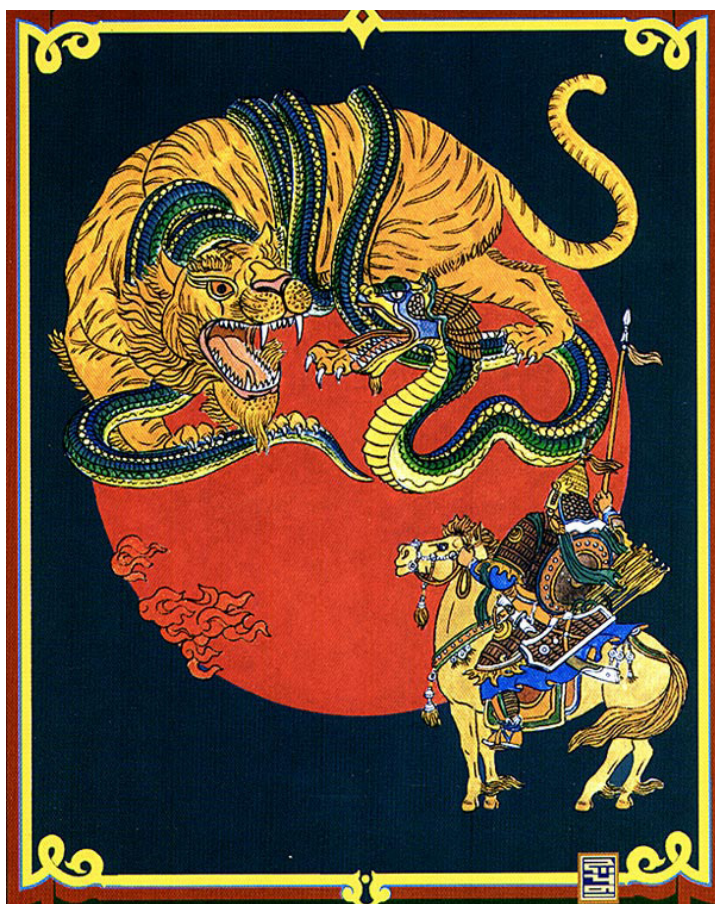

Рис. 2. Последний бой (Художник Ч. Б. Шонхоров)

В бурятской Гэсэриаде также прослеживаются отголоски мифов, восходящих к глубокой древности. Наиболее ярко представлен миф о сотворении всего живого в варианте Альфора Васильева «Абай Гэсэр Богдо хан» [9]. А исходит этот акт от женского божества – *Эхэ ехэ Бурхан* – Великой Матери-Богини, в образе которой подразумевается некий космический разум, начало начал, хотя и не совсем ясно, откуда она сама произошла.

Следует отметить, что миф о сотворении мира зачастую оказывается в центре духовного наследия многих народов и стран. Ещё в глубокой древности люди пытались понять, как же всё началось, как зародилась жизнь. По мнению А. М. Сагалаева, смутные догадки древних не укладывались в конкретные рамки времени и пространства, сама эпоха творения выступала как образец мироздания, как его непререкаемый идеал и авторитет [10, с. 25]. Наши далекие предки, пытаясь сформулировать свои неясные предположения, облекали их в некие словесные формы, постепенно приобретавшие особый и чаще всего магический смысл.

Символы древней мифологии универсальные во всем мире: гора, озеро и дерево – как бы взаимодополняли друг друга, выступая в качестве основных объектов реального и возможного, земного и фантастического. Этот же магический треугольник (*Сүмбэр уула, Һун далай, Алта-мунгун уляаһан*), воплощая в себя образ мифической Вселенной, обнаруживается и в шаманских текстах и рисунках. Если рассматривать данные символы в отдельности, то гора символизирует центр мира; дерево, растущее у подножия горы, ассоциируется с некой вертикалью, которая связывает Землю с Небом; первичный океан (водная стихия) обладает двойственной характеристикой: с одной стороны, – это чистое, созидательное начало, некий «строительный материал», из которого все создается (к примеру, в Гэсэриаде утка приносит в своем клюве кусок глины; из этого куска Богиня создает земную твердь), с другой стороны, океан – всегда нечто неизведанное, таинственное, беспредельное. Двойственное отношение людей к водной стихии объясняется, конечно, ее непредсказуемостью. В совокупности же (именно так и следует воспринимать эти три основных составляющих модели мира), они издревле воплощают в себе понятие родины для каждого из нас. В эпосе историческую землю-родину бурят можно усмотреть в описаниях *Алтая* и *Хухэя*, в картинах целебных источников (аршанов), родового кургана Гэсэра (добууна). Герои охотятся на горных вершинах *Алтая*, по северным склонам *Хухэя* пасутся их стада, набираются сил перед походами кони Гэсэра и его баторов. Эти горные системы выступают естественным центром кочевков героя и его соплеменников, и вокруг этих мест разворачиваются все события.

У древних тюрков священная Земля-Вода (т. е. гора и озеро или океан) была одним из главных божеств, наряду с Небом-Тенгри (персонифицированное небесное божество) и Умай (божественная супруга Неба-Тенгри). Последняя олицетворяла женское, плодородящее начало. Кстати, в архаичном мифе бурят речь идет о «серебряном отцовском столбе» (бахана), который встречает в океане «золотое материнское лоно» (умай). Т. е. здесь явно прослеживаются параллели в древнем обычае почитания матери-земли, а точнее Хозяйки Земли-Воды, как покровительницы деторождения, в образе которой отражена плодородящая сила всей земли. В этом смысле интересно упоминание Молочного озера в бурятских улигерах:

– Эсэгэ хүүе гомойлгоо ло болоо хада-
һүмэр уула шэргэхэ юм гэхүй дуулаа һам
Эхэ хүүе гомойлгоо болходоо -
һүн далай ширгэхэл гэхүй дуулаа һам.

– Слышал я: если обидеть отца,
Рухнет Сумэр-гора,
Слышал я: если обидеть мать,
Высохнет Молочное Море.

[11, строки 10575-10580].

В данном случае, *һун далай* «молочное озеро» воспринимается как всеобъемлющий священный источник, как нечто вселенское. В приведенном эпизоде оно названо «молочным» не случайно, т. к. молоко – это символ чистоты, святости у всех скотоводческих народов Центральной Азии. Оно символизирует прообраз будущей жизни (т. е. зарождение всего живого). Примечательны в этом смысле легенды бурят о своих древних предках (тотемах), которые также связаны с водной стихией (например, легенда о Буха-нойоне, вышедшем из озера, или о рыбе-налиме, которую нашли в прибрежной щели Байкала шаманки Асуйхан и Хусэхэн). В разных вариантах улигеров родина Гэсэра также расположена вблизи этого священного моря. В вариантах Маншуда Имегенова и Альфора Васильева упоминается *һун ехэ далай* – «Великое «молочное озеро», а у Парамона Дмитриева, Папы Тушемилова и Пеохона Петрова ему, по-видимому, соответствует гидроним *Мүнхэ (мүнхү) ехэ далай* – «Вечное великое море». Так, в «Гэсэре» Парамона Дмитриева говорится:

Хатан ехэ голоор
Бэлшээри даран түрэбэ,
Моорэн ехэ голоор
һуудал даран түрэбэ.
Мүнхэ ехэ далайгаар
Уһалуур хэжэ түрэбэ,
Мунгэшэ ехэ уулын
Хормойдо һууба гэхэ.
Гушан гурбан баатартая
Гурбан зуун хушуушадтая
Абай Гэсэр нэрэтэй боложо,
Амаржа һуушаба - ла.

[12, строки 1735-1745].

По долине реки Хатан
Пастбище установив, родился.
По долине реки Моорэн
Стойбище установив, родился.
По Вечному великому морю
Водопой установив, родился.
И стал жить у подножия
Великой Серебряной горы.
С тридцатью тремя баторами,
С тремя сотнями дружинников,
Называясь именем Абай Гэсэр,
Испытывая благоденствие.

[Пер. наш].

Из молочного озера или вечного моря жизнь как бы перетекает (переносится) на землю, и этот священный источник неиссякаем. И земным отражением озера жизни становится чаша, из которой кропят молоком во время жертвоприношения в знак глубокого уважения и почитания духов святых предков. Отголоски этого древнего обычая прослеживаются в эпосе.

Доброе, созидательное начало водной стихии также обнаруживается в эпизодах, когда вода выступает как средство исцеления, очищения, воскресения улигерных героев. Дело в том, что целебные источники-аршаны издревле почитались всеми монгольскими народами. Их чистая, незамерзающая вода, действительно, обладает чудодейственными свойствами. Люди преподносили жертвенную пищу, поклонялись хозяевам этих источников. В эпосе же, где многое объясняется единством реального и фантастического, героини (жены, сестры – хухэ, бабушка Гэсэра) пользуются природными дарами, чтобы исцелить, воскресить главного героя. Так, в эпизоде спасения Гэсэра его земная жена *Санхан Гоохон* использует не магические чары, не волшебные свойства, а оmyвает его водой из девяти родников, окуривает можжевельником великой тайги.

Заключение

В целом в тексте Гэсэриады встречается упоминание многих древних традиций и обычаев почитания священных культов бурят-монголов: огня, домашнего очага, мировой горы, мирового дерева, культов неба и космических сил. Каждый из них может стать объектом отдельного исследования.

Основным элементом эпоса является образ природы. Это не случайно. В улигерах акцентируется идея о неразрывной связи человека с окружающим миром, трепетного отношения людей к родной природе. Утверждение о том, что необходим поиск гармонии во всем: с природой, с окружающими, с самим собой, вполне применимо и к современному обществу. На первый план выдвигается отношение «человек-природа» или «человек в природе, биосфере», а не «природа для человека». В этом особая роль отводится мировым религиям, шаманизму, как истинно природной религии, и устному народному творчеству как неотъемлемой составляющей духовной жизни народа. На этом фоне обращение к культурным ценностям своего народа, а именно одним из таковых является бурятский эпос, представляется весьма приоритетным и актуальным.

Литература

1. Уланов А. И. Бурятский героический эпос. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 219 с.
2. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Л.: Наука, 1988. – 225 с.
3. Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. – 270 с.
4. Банзаров Д. Собрание сочинений. – М.: Изд. АН СССР, 1955. – 476 с.
5. Герасимова К. М. Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. Центра, 1999. – 160 с.
6. Баяртуев Б. Д. Предыстория литературы бурят-монголов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 224 с.

7. Хундаева Е. О. Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 166 с.
8. Абай Гэсэр. Запись И. Н. Мадасона со слов Пеохона Петрова. – Улан-Удэ, 1960. – 314 с.
9. Абай Гэсэр Богдо хаан. Бурядадай морин ульгэр. Запись С. П. Балдаева от сказителя Альфора Васильева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 517 с.
10. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 177 с.
11. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. Запись Ц. Жамцарано от сказителя Маншуда Имегенова. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 526 с.
12. Гэсэр. Запись Д. Д. Хилтухина от сказителя П. Д. Дмитриева // Мат-лы по бурятскому фольклору. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1953. Вып. 1. (на бурят. яз.)

References

1. Ulanov A. I. Burjatskij geroicheskiy jepos. – Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1963. – 219 s.
2. Putilov B. N. Geroicheskiy jepos i dejstvitel'nost'. – L.: Nauka, 1988. – 225 s.
3. Chagdurov S. Sh. Proishozhdenie Gjesjeriady. Opyt sravnitel'no-istoricheskogo issledovanija drevnego slovarnogo fonda. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1980. – 270 s.
4. Banzarov D. Sobranie sochinenij. – M.: Izd. AN SSSR, 1955. – 476 s.
5. Gerasimova K. M. Obrjady zashhity zhizni v buddizme Central'noj Azii. – Ulan-Udje: Izd-vo Burjat. nauch. Centra, 1999. – 160 s.
6. Bajartuev B. D. Predystoriya literatury burjat-mongolov. – Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2001. – 224 s.
7. Hundaeva E. O. Burjatskij jepos o Gjesjere: svjazi i pojetika. – Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – 166 s.
8. Abaj Gjesjer. Zapis' I. N. Madasona so slov Peohona Petrova. – Ulan-Udje, 1960. – 314 s.
9. Abaj Gjesjer Bogdo haan. Burjaadaj morin ul'gjer. Zapis' S. P. Baldaeva ot skazitelja Al'fora Vasil'eva. – Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 1995. – 517 s.
10. Sagalaev A. M. Altaj v zerkale mifa. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1992. – 177 s.
11. Abaj Gjesjer Moguchij. Burjatskij geroicheskiy jepos. Zapis' C. Zhamcarano ot skazitelja Manshuda Imegenova. – M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1995. – 526 s.
12. Gjesjer. Zapis' D. D. Hiltuhina ot skazitelja P. D. Dmitrieva // Mat-ly po burjatskomu fol'kloru. – Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1953. Vyp. 1. (na burjat. jaz.)

